

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 3

осень

2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 30

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.И. Колесников.* Миниатюры и тексты в альбоме Е 28 из собрания ИВР РАН **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева.* Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: "moving around Babylon" **28**

- Ю.А. Иоаннесян.* Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана **44**

- В.М. Рыбаков.* Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1. Лечение, питание **54**

- С.Л. Бурмистров.* Гимны Шанкары: проблема авторства, философские аспекты и религиозные практики **69**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Якерсон.* Посвящения в еврейских рукописях как источник информации и дезинформации **85**

- М.А. Козинцев, С.А. Французов.* Двухязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии **97**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин.* Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН. Часть 1. Материалы по тибетско-монгольской иконографии **105**

- Тамура Масато, Судзуки Кэндзи.* Японские книги из сахалинских библиотек в ИВР РАН. Предисловие, перевод с японского языка *К.Г. Маранджян* **121**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований» (Санкт-Петербург, 20 февраля 2017 г.) **131**

- И.В. Богданов.* Общество и культура Древнего Востока: II Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2017 г.) **134**

- Т.А. Пан.* 2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.) **139**

РЕЦЕНЗИИ

- The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906). Archival Documents from Mongolia / Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. — Leiden; Boston: Brill, 2013 (Brill's Inner Asia Archive. 1). — XXVIII, 598 pp. (*Т.А. Пан*) **142**

- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag. — 2016 (VOHD; XVIII,2). — 473 S. (*О.М. Чунакова*) **145**

IN MEMORIAM

- Анна Аркадьевна Искоз-Долинина (*С.Ю. Гинцбург*) **150**

На четвертой стороне обложки:

Икона Падма-Махешвары (форма Хаягривы). АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192

Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: “moving around Babylon”*

Н.В. Козырева

Институт восточных рукописей РАН

Время правления последних царей I вавилонской династии, или династии Хаммурапи, как ее иногда называют (ок. 1711 — 1595 г. до н.э.), остается пока малоизученным периодом истории древней Месопотамии. Нет достаточно четкого ответа на вопросы о том, что вызвало резкое ослабление мощного государства, некогда созданного царем Хаммурапи, и привело династию к падению и кто на самом деле разрушил город Вавилон в 1595 г. до н.э. В своей статье автор приводит обзор новых источников, появившихся в последние десятилетия, и публикаций, сделанных на их основе. Эти данные позволили по-новому оценить роль таких факторов, как изменения экологии и массовые миграции населения, и их влияние на демографическую и политическую ситуацию, сложившуюся к началу XVI в. до н.э. в Вавилонском государстве.

Ключевые слова: I вавилонская династия, экология, миграция, деурбанизация, наемное войско.

Статья поступила в редакцию 27.01.2017.

Козырева Нэлли Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (orinst@mail.ru).

© Козырева Н.В., 2017

I вавилонская династия (1894–1595 гг. до н.э.), шестым представителем которой был царь Хаммурапи, — одна из самых продолжительных царских династий древней Месопотамии, чье правление составило важную эпоху в истории месопотамской цивилизации. Именно в это время город Вавилон впервые занял позицию важнейшего политического и культового центра Южной Месопотамии, которую он сохранял в последующем на протяжении многих веков¹.

* «...“moving around Babylon” стоит понимать не только в географически-историческом смысле... в этот ключевой исторический период город Вавилон превращался в политическую цель или вожденный приз, символ превосходства, становился политическим и административным „центром мира“ не столько для коренного городского (населения), сколько для представителей различных этнокультурных групп, постепенно, по крайней мере с конца III тыс. до н.э., заполнявших территории между городами» (Fales 2011).

¹ Впервые в клинописных текстах город Вавилон упоминается в табличке, датированной правлением аккадского царя Саргона (XXIV в. до н.э.). В конце III тыс. до н.э., когда вся Южная Месопотамия была объединена под властью царей Ура, Вавилон был небольшим провинциальным центром, в котором сидел царский наместник, собиравший подати. После распада государства III династии Ура в начале XIX в. до н.э. к власти в Вавилоне пришли представители одной из крупных аморейских групп, основавшие здесь свою династию, которую условно называют I вавилонской династией. После падения I вавилонской династии судьба города Вавилона и политической структуры, центром которой он стал при аморейских царях, скла-

Вавилон при Хаммурапи. Реально лидерство города Вавилона началось со времени, когда здесь правил царь Хаммурапи (1792–1750). Последние 14 лет жизни этого знаменитого царя были заполнены успешными военными походами против соседей: Ашшура, Эшнунны, Элама, Ларсы, Мари. По мере развития его военных успехов столица государства Хаммурапи, город Вавилон, превращалась в тот центр, вокруг которого концентрировалось движение самых разных политических сил, действовавших на территории Месопотамии и соседних регионов.

Политическая структура, созданная Хаммурапи, объединила всю Центральную и Южную Месопотамию и достигала на западе Евфрата до Мари и Терки, а на северо-востоке — района Диялы. Таким образом, в составе вавилонского государства оказалась значительная часть важнейших торговых путей, соединявших Месопотамию через Евфрат с Сирией и Восточным Средиземноморьем. Укрепление государственного контроля за торговыми путями в правление Хаммурапи способствовало заметному расцвету международной торговли в годы его правления. Мощное государство Хаммурапи практически не имело соперников на Ближнем Востоке. Только в Западной и Юго-Западной Сирии такие государства, как Ямхад² и Катна³, оставались вне зоны его влияния и контроля.

Однако в этих территориальных рамках вавилонское государство просуществовало всего 12 лет. Это были последние четыре года правления Хаммурапи и первые восемь лет правления его сына и преемника Самсуилуны (1749–1711). В 1742 г. до н.э. вследствие целой серии политических и экономических проблем произошло восстание городов южной части Вавилонии, и к концу правления Самсуилуны юг был им полностью потерян (Козырева 2016: 510 сл.). Значительное сокращение территории вавилонского государства продолжалось и позднее (см. ниже). Тем не менее четыре преемника Самсуилуны (Аби-эшух, Аммититана, Аммицадука и Самсудитана) царствовали в Вавилоне еще почти 120 лет (1711–1595).

В современной историографии правление преемников Самсуилуны обычно очень кратко описывают как длительный период возрастания нестабильности, в ходе которого Вавилонское царство постепенно «ослабевало», и в конце концов в 1595 г. до н.э. при военном набеге хеттов город Вавилон был разрушен, а последний царь I вавилонской династии свергнут. Во многом такое краткое и схематичное описание этого периода связано с отсутствием достаточного количества источников. Большая часть

дывалась очень непросто, тем не менее политическая история Южной Месопотамии (и в значительной степени и Северной) на протяжении более полутора тысяч лет выстраивалась исключительно вокруг него. Многие крупные города Южной Месопотамии могли сравниться с Вавилоном по площади, количеству населения, удобному местоположению, но именно Вавилон все это время оставался центром притяжения всех амбициозных политических лидеров Месопотамии, а коронация на царство в Вавилоне была высшей точкой их политической карьеры.

² Располагавшееся к северо-западу от Мари (Северо-Западная Сирия) аморейское царство Ямхад с центром в городе Алеппо (Халеб) контролировало западную часть важнейших на территории Ближнего Востока торговых путей (от правого берега Евфрата до Средиземного моря). Именно через Алеппо товары, привезенные морем, шли дальше или в верховья Тигра, или в Вавилонию. Караваны и путешественники, которые шли из Вавилонии в Сирию и Палестину, обязательно проходили по территориям, принадлежавшим Ямхаду, если они хотели избежать опасностей путешествия по пустыне через Пальмиру.

³ Город-государство Катна был расположен южнее Ямхада в центре района, где процветало зерновое сельское хозяйство, в изобилии росли виноград и оливковые деревья. К востоку от города находился пояс пастбищных земель, населенный многочисленными группами овецодов. Город занимал ключевое положение на пересечении важных караванных путей: на запад к Средиземному морю и на восток через Пальмиру до Евфрата.

текстов и археологических свидетельств, сохранившихся от времени правления I вавилонской династии, относится к царствованию Хаммурапи и его сына.

Пока нет достаточно информации, чтобы аргументировано ответить на вопросы о том, что вызвало такое ослабление вавилонского государства и привело династию к падению, кто на самом деле разрушил Вавилон в 1595 г. до н.э., каким образом примерно через 100–150 лет после этой катастрофы город снова вернулся к роли столицы сильного государства, которым правила уже чужеземная (касситская) династия.

Сведения о политической истории того или иного периода существования месопотамской цивилизации исследователи обычно извлекают либо из синхронных данному периоду текстов, прежде всего царских надписей и датировочных формул (официального обозначения каждого года правления того или иного царя), либо из историографических хроник, как правило, составлявшихся через много столетий после описываемых в них событий (Glassner 2004). Для рассматриваемого периода такого рода источники дают очень мало материала.

Хроники. Месопотамские историографы I тыс. до н.э. как будто не слишком интересовались этим этапом своего прошлого, и историографические тексты содержат крайне мало информации относительно политической истории этого периода. I вавилонская династия упоминается в двух очень кратких историографических сочинениях, сохранившихся только фрагментарно в поздних копиях. В тексте, который условно называется «Вавилонская царская хроника», перечисляются имена 11 царей I вавилонской династии от Сумуабума до Самсудитаны с указанием при имени каждого царя количества лет, которое он правил (Grayson 2004: 126–135). В другом историографическом тексте — «Хроника древних царей» — упоминаются имена только четырех царей I вавилонской династии и их деяния: Хаммурапи, завоевавший города Ур и Ларсу, Самсуилуна, подавивший восстание Рим-Сина и разбивший войско царя Приморья Илима-илу, и Аби-эшух, расширивший течение реки Тигр (вероятно, прокопавший канал) и не сумевший поймать мятежного Илима-илу. Заканчивается фрагмент фразой: «в правление Самсудитаны хетты ходили походом на Аккад» (Glassner 2004: 271–272; Richardson 2005). Возможно, это же событие, т.е. военный поход хеттов на Вавилон, упоминается в знаменитом указе о престолонаследии хеттского царя Телепинуса (ок. XV в. до н.э.). Перечисляя дела своих предшественников — прежних хеттских царей, он упоминает, что Мурсилис, который правил, по видимому, примерно за сто лет до него, ходил походом на Вавилон, разрушил его и привез в свою столицу «пленных и имущество города Вавилона». В современной историографии считается, что результатом этого похода хеттов было не только разрушение Вавилона, но и конец правления царя Самсудитаны и вместе с ним всей I вавилонской династии, хотя в древних источниках эти два события нигде прямо не связаны.

В последние десятилетия появилось несколько важных публикаций ранее неизвестных синхронных клинописных источников, а также данные археологических исследований, которые расширили возможности изучения повседневной жизни и политической истории вавилонского государства в последние сто лет правления династии Хаммурапи. Это позволило исследователям выявить некоторые характерные детали и особенности исторической ситуации, сложившейся в Южной Месопотамии в середине II тыс. до н.э., и проследить влияние на происходившие здесь политические события таких факторов, как **изменения экологии и массовые миграции населения.**

Экология. Передвижение русел двух великих рек, по берегам и протокам которых располагались города Южной Месопотамии, постепенное отступление на юг вод Персидского залива в сочетании с общим уменьшением количества осадков понемногу делало климат Южной Месопотамии все более жарким и сухим и увеличивало зависимость населения от стабильности водных ресурсов. Изменениям водного режима способствовала и активная хозяйственная деятельность городского населения юга аллювиальной долины (в частности, расширение сети каналов), где сельское хозяйство было полностью основано на ирригации. Эти процессы, которые продолжались многие сотни лет, особенно усилились в начале II тыс. до н.э.

Самыми серьезными последствиями этих изменений были сокращение площадей, пригодных для зернового хозяйства, снижение урожайности зерновых культур и, как следствие, подорожание ячменя⁴ и миграция городского населения. Процесс деурбанизации Южной Месопотамии постепенно развивался с начала II тыс. до н.э. в направлении с юга на север и особенно усилился в правление сына Хаммурапи, Самсуилуны.

Прежде всего изменения экологии затронули жителей самого юга аллювия, представлявшего собой совершенно плоскую и понижавшуюся в сторону Залива равнину. Городское население начало покидать эту территорию уже со второй половины XVIII в. до н.э., перемещаясь в более комфортную для жизни северную часть региона. Эти процессы значительно активизировались после подавления войсками Самсуилуны восстания южных городов против Вавилона (1741–1737). В ходе военных действий, возможно, были повреждены какие-то фрагменты городских систем водоснабжения, что подтолкнуло наступление давно назревавшего экологического кризиса и привело, по-видимому, к полному развалу ирригационных систем южных городов. Примерно к 1730 г. до н.э. многие города юга (Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур) были, по всей вероятности, покинуты жителями и постепенно пришли в полное запустение. Часть городского населения нашла убежище в крупных северных городах: Кише, Вавилоне, Дильбате (Charpin 1992). Несколько позднее экологический фактор сказался и на городах центральной и северо-восточной части Южной Месопотамии. Еще к 1730 г. до н.э. значительно обмелел проток Евфрата, который снабжал этот регион водой, и города Ниппур и Исин (а позднее и Киш) также были покинуты большей частью населения.

Меньше всего эти процессы затронули северо-западную часть аллювия, в том числе территорию вдоль канала Арахтум, протока Евфрата, который тек через Вавилон. Полоса аллювиальной долины к северу и югу от Вавилона в этот период была самым богатым, плодородным и плотно населенным регионом Южной Месопотамии, и именно здесь вдоль канала Арахтум продолжались интенсивное земледелие и городская жизнь до конца правления I вавилонской династии. Сюда устремлялось население заброшенных центров юга, центра и северо-востока аллювиальной долины. В стенах Вавилона, по-видимому, нашла убежище значительная часть городской элиты Южной Месопотамии: высокопоставленные администраторы, торговцы, писцы,

⁴ Основой питания населения Месопотамии был ячмень, стоимость которого имела решающее значение для всей экономики. Формально соотношение стоимости ячменя и серебра — 1 сикль (ок. 8 г) серебра на 1 гур (300 л) зерна — сохранялось неизменным на протяжении всего исторического периода. Однако объем меры гур со временем менялся: от 300 л в XXV в. до н.э. до 180 л в VI в. до н.э., т.е. существовала устойчивая тенденция к увеличению стоимости зерна. Особенно резкие изменения в стоимости зерна происходили в периоды кризисов (засуха, эпидемии, войны), когда возникала острая нехватка продуктов (Klein 2014).

а также религиозные институты и школы разрушенных и оставленных населением городов. Все это способствовало росту и процветанию города, который постепенно превращался не только в политический, но и культурный и идеологический центр Южной Месопотамии.

Само государство Вавилон (Вавилония) при последних царях I вавилонской династии занимало сравнительно небольшую площадь около 5000 кв. км, объединявшую земли от Вавилона до низовий Диялы с запада на восток и от Дильбата до Сиппара и его окрестностей с юга на север. В рассматриваемый период здесь располагались несколько крупных городов, в том числе Вавилон, Сиппар⁵, Дильбат и Киш, заселенных преимущественно аккадоязычным населением. Территорию, которая находилась за пределами 15–20 км полосы культурных орошаемых земель, окружавших города, в текстах называли *libbi mātim* (букв. «середина/сердце страны»), что условно переводят термином «провинция» (Richardson 2005: 279). Эта часть государства была, по-видимому, в основном заселена этнически неоднородным населением.

Города Вавилонии, даже самый «молодой» из них — Вавилон, к середине II тыс. до н.э. имели за своими плечами многовековую историю. Политическое устройство месопотамского города изначально было основано на системе разделения горожан на отдельные более или менее равные по своему статусу группы, каждая из которых не только занимала свою часть городского пространства, территориального и хозяйственного, но и имела свое представительство в муниципальном управлении. Со временем на эту систему наложился изначально чуждый ей институт царской власти. Царь и его администрация должны были прежде всего обеспечивать безопасность города и непрерывность хозяйственной деятельности горожан. Взамен они в той или иной степени, в зависимости от своих возможностей, контролировали местное хозяйство и отбирали у города значительную часть производимых им ресурсов. При этом цари были заинтересованы в сохранении традиционной хозяйственной структуры города, которая подразумевала определенный уровень внутреннего самоуправления.

Провинция находилась, по-видимому, под полным контролем царской администрации. Маргинальное (по отношению к городскому) население этой территории, первоначально, вероятно, достаточно малочисленное, постепенно росло. Особенно заметным увеличением численности населения провинции стало с середины III тыс. до н.э., когда в Южную Месопотамию начало активно переселяться западносемитское население среднего Евфрата, занимая приграничные и межгородские земли. Чужеземцев, приходивших с соседних западных территорий, местное население называло амореями⁶. К концу III тыс. до н.э. амореи составляли важную часть государственного войска, а в начале II тыс. до н.э. аморейские лидеры основали свои династии в ряде городов Южной Месопотамии, в том числе в Вавилоне. Со временем термин «амореи», по-видимому, постепенно терял этнический оттенок, приобретая определенную военную коннотацию, и стал преимущественно обозначать представителей политической и военной элиты и сельскую часть населения, которая поставляла значительную

⁵ В рассматриваемый период существовали два города, в название которых входило слово Сиппар: Сиппар-яхрурум (совр. Abu-Habbah) и Сиппар-амнанум (совр. Tell ed-Der). Оба Сиппара располагались неподалеку друг от друга на разных берегах одного протока Евфрата (Charpin 1988).

⁶ Жителей этого региона, так же как и саму территорию, в клинописных текстах из Южной Месопотамии называли термином *mar.tu/amurru* (букв. «западный»). В первой половине III тыс. до н.э. население этой территории, видимо, говорило в основном на языке западносемитской группы.

часть воинов для царского войска. К началу II тыс. до н.э. амореи и их потомки составляли, вероятно, основную часть сельского населения Южной Месопотамии, находившегося под юрисдикцией царской администрации.

Предположительно со времени Хаммурапи в официальной терминологии для обозначения городского и сельского населения государства стали использовать выражение «аккадцы и амореи» — вероятно, оно было включено в первый указ об отмене долгов, выпущенный Хаммурапи (Korpen 2007: 212ff.). Такое словосочетание отражало, по-видимому, сложившееся к тому времени представление о том, что население государства состояло из двух основных групп: горожан, преимущественно аккадцев по происхождению, и жителей провинции, сельского населения (во многом потомков мигрантов), основных поставщиков воинов в царское войско. При этом горожане («аккадцы») в определенной степени находились под юрисдикцией города, сохранявшего некоторую автономию, а население провинции («амореи»), по-видимому, полностью контролировалось царской администрацией. Такая же терминология использовалась и преемниками Хаммурапи. В указе царя Аммицадуки, предпоследнего царя I вавилонской династии, население страны по-прежнему описывается как «аккадцы и амореи», несмотря на то что этнический состав населения провинции к этому времени претерпел серьезные изменения⁷.

Серьезное ухудшение экологии в первую половину II тыс. происходило не только на территории Южной Месопотамии, но и на всей территории Ближнего Востока и соседних регионов. Это приводило к борьбе между находившимися здесь политическими структурами и государствами за сокращающиеся ресурсы и к массовым передвижениям населения, в том числе и на территорию Южной Месопотамии, в поисках безопасности и лучших условий жизни. Однако этническое происхождение этих групп, постепенно оседавших в рассматриваемый период на приграничных и межгородских территориях вавилонского государства, существенно изменилось по сравнению с началом тысячелетия.

Одним из самых главных направлений движения населения в этот период был путь с гор Загроса на северо-запад в долину Хабура и далее на средний Евфрат, и на запад — в долину Южной Месопотамии. Массовости этих миграций способствовали постоянные военные конфликты между вождями внутри Загроса, боровшимися за политическое лидерство и сокращавшиеся в связи с серьезным ухудшением экологии ресурсы. В текстах последних лет правления Хаммурапи постоянно сообщается о военных походах против населения Загроса, которые, вероятно, проводились в ответ на волны этнического движения в долину с гор. Последствием этих военных кампаний Хаммурапи была депортация оттуда больших групп пленных, которых селили в Вавилонии (Charpin 1992).

Население, перемещавшееся в сторону Южной Месопотамии, могло задержаться на приграничных территориях, где периодически возникали автономные политические структуры из групп различного этнического и социального происхождения. Особенно много их было по району среднего Евфрата и в регионе Диялы, т.е. на северо-западных и северо-восточных границах Южной Месопотамии. Однако значительная часть мигрантов оказывалась непосредственно на территории Вавилонии. Такие переселенцы либо искали прибежища на маргинальных, отдаленных от контроля администрации территориях, либо могли добровольно отдать себя под власть

⁷ Со временем термин «амореи» исчез из официальной номенклатуры; в царских надписях среднеавилонского периода для описания населения страны стали использовать словосочетание «касситы и аккадцы».

вавилонского государства и добывать средства к существованию как наемные работники или наемные воины⁸.

Наемное войско. Очень важной для понимания исторической ситуации, сложившейся в Южной Месопотамии в рассматриваемый период, представляется правильная оценка той роли, которую к этому времени в жизни вавилонского государства стало играть наемное войско, формировавшееся из числа беженцев, переселенцев, депортированных пленных и их потомков.

Царская администрация Вавилонии была заинтересована в увеличении числа податного населения, находящегося, в отличие от горожан, под ее полным контролем, и в расширении площадей обрабатываемой земли. В государстве постоянно ощущалась нехватка рабочей силы, особенно в сезон уборки урожая, при проведении крупных строительных проектов. Военные походы за пределы государства в правление последних царей династии проводились все реже, но постоянной защиты требовали приграничные территории, и силами ополченцев обеспечить это было невозможно, тем более что к этому времени население самых крупных и богатых городов, возможно, уже получило ряд привилегий, в том числе освобождение от военной службы. Сформированные из чужеземцев военные отряды были, без сомнения, значительно сильнее и мобильнее, чем группы непрофессиональных рекрутов, призывавшихся периодически на короткий срок по случаю проведения каких-либо военных экспедиций.

Административные тексты этого времени упоминают воинов, принадлежащих к разным этническим группам: рабабу, сутии, яхруру, амурру, ахламу, касситы, также в войске служили люди из Элама, Эмара, Халаба, Эмутбала, Ханы и других мест (Graef 2002). Наиболее часто в этом контексте упоминается этноним «кашшу» (*kaššū*). Есть предположение, что он происходит от топонима, обозначавшего некую местность в горах Загроса. В рассматриваемый период термин «кашшу» скорее мог использоваться в широком смысле (как ранее термин «амореи») для обозначения чужеземных воинов горного происхождения, чем для обозначения людей определенной этнолингвистической группы. Таким образом, провинция вавилонского государства в рассматриваемый период была в основном заселена этнически неоднородным населением, значительную часть которого составляли беженцы, переселенцы и депортированные пленные и их потомки, постепенно превратившиеся в главный источник военной силы слабеющих царей Вавилона.

Со времени Хаммурапи количество такого рода воинов постоянно увеличивалось, а при последних царях династии большинство воинских отрядов, составлявших основу царского войска, были, по-видимому, чужеземного происхождения, так что к этому времени практика опоры на наемное войско, размещенное на территории государства, была, вероятно, вполне устоявшейся⁹. Последние цари вавилонской ди-

⁸ Уже у аккадских царей (XXIV–XXIII вв. до н.э.) было, по-видимому, свое профессиональное войско, а не только ополчение (и не просто охрана или стража). В этом отношении они не зависели от городов. В одной из своих надписей Саргон упоминает о 5400 воинов, которых он «кормил» каждый день. Это были, вероятно, профессиональные воины, которым царь предоставлял земельные наделы за службу.

⁹ Впервые упоминание о «касситских войнах» появляется в датировочной формуле 9-го года Самсуилуны: «год, когда Самсуилуна, царь, разгромил до основания (букв. „вырвал корни“) касситское войско (возле) города Кикалла». Город Кикалла располагался в окрестностях Киша и был известен тем, что держателями полей в нем были воины; есть предположение, что события, упоминаемые в этой датировке, были связаны с подавлением выступления наемных воинов, поселенных в северо-восточной части вавилонского государства (Korpen 2007: 215).

настии довольно редко предпринимали военные кампании (см. ниже), и в реальности их власть была слабой. В то же время наемное войско росло, его содержание становилось, вероятно, все более затруднительным для администрации, и из главной опоры государства оно постепенно превращалось в его подрывную силу.

Отрядами наемников администрация заселяла многочисленные военные крепости, возводившиеся на границах государства и около крупных городов. Во многих случаях в одной крепости служили солдаты из разных мест, т.е. неоднородные этнически. В обмен на службу чужеземные воины получали содержание (зерновые рационы) или земельные наделы, в свою очередь, они должны были обеспечивать безопасность государства и царя. В ЗХ, составленных в самом конце правления Хаммурапи, с особым вниманием и тщательностью разбираются ситуации со служебным имуществом и земельными наделами воинов. Воины не были собственниками наделов. Такие наделы не могли отчуждаться, но могли переходить по наследству взрослым сыновьям, которые продолжали службу отца. Если воину приходилось переезжать для службы в другое место, администрация передавала надел его преемнику. Вместе с наемными чужеземными специалистами в вавилонское войско пришли и новые военные технологии, в частности использование легкой воинской колесницы, запряженной лошадьми, что произошло при преемниках Хаммурапи (Korpen 2007: 216).

В последние десятилетия существования I вавилонской династии на территории вавилонского государства размещалось не менее 30 действующих военных крепостей-поселений (Graef 2002). Воины, составлявшие персонал этих крепостей, жили в них многие десятилетия. Для этих солдат их городки были не просто местом постоя, а скорее домом, в котором они и их семьи жили на протяжении поколений. Большие военные отряды были размещены на северных границах вавилонского государства к северо-северо-западу от Сиппар-амнанума в поселениях Куллизум, Садди и Царбатум. Сохранился документ, в котором приведен список служебных наделов одного воинского отряда, располагавшихся на пахотной земле этих поселений (*tuppi eqlētim... šibit bā'iri* МНЕТ II 6 894 i 1–2; Graef 2002). Документ, составленный в середине 1649 г. до н.э. (34-й год правления Аммититаны), представлял собой, вероятно, «страничку» из большого архива, содержавшего сведения о распределении и перераспределении служебных наделов в приграничном северном регионе вавилонского государства. Бенефициарами этих наделов, судя по тексту, были люди, которых называли баирумы (букв. «рыбаки/охотники»; шум. *šu.ha.meš*; акк. *bā'irum*), в переносном смысле — лицо, несущее постоянную военную службу и получающее поле в качестве компенсации (CAD II 32). Некоторые исследователи предлагают в контексте исследуемого периода переводить этот термин как «элитные воины». Отряд состоял из 54 воинов под командованием «генерала» (РА.РА) Ибби-илабрата, который, по-видимому, не только командовал солдатами, но и распределял наделы, и управлял подведомственной территорией. Каждый воин получил земельный надел площадью примерно 12 ику (ок. 4,3 га), располагавшийся на хорошо орошаемой возделываемой территории. При этом в тексте указано, что некоторые наделы передаются от прежних пользователей, вероятно, отправленных в другие гарнизоны или умерших. Всего отряд получил 618 1/10 ику = 222,5 га обрабатываемой земли.

Важность охраны северных границ и, в частности, решающая роль в этой связи крепости Куллизум, которая упомянута в вышеприведенном документе, отражена и в текстах, дошедших от времени правления следующего (предпоследнего) царя I вавилонской династии — Аммицадуки (1646–1626).

Царские письма. Во второй половине 1631 г. до н.э. Аммицадука послал своим чиновникам в Сиппаре целую группу писем, содержание которых дает некоторое представление о том, насколько сложной была в это время ситуация в стране (AbB 7 47–50, Richardson 2005: 279ff.). В письмах царь подробно описывал характер возникшей в данный момент угрозы, предупреждал об опасности нахождения в провинции и на водных путях, передавал специальные инструкции относительно передвижения и безопасности войск, работников, скота и барж/лодок. Интересно, что информацию о ситуации в стране царь получал не от своих чиновников, а от агентов из крепостей в провинции, в том числе и из приграничной крепости Куллизум, о которой уже упоминалось выше. Где-то в ее окрестностях были замечены войска и колесницы чужеземцев. Враги уже находились на территории провинции (*libbi mātim*), но еще оставалась возможность перевести скот на безопасные пастбища и принять меры для охраны Сиппар-яхруума.

«...Городские ворота не должны открывать, пока солнце не взойдет... Скот и овец, которые пасутся на земле Сиппар-яхруум и на берегу Евфрата, надо немедленно переправить в глубь страны. Далее, лодки, которые в... и на берегу Евфрата, вы должны завести в гавань в Сиппар-яхруум. Воины врага не должны захватить их. Будьте на страже, не пренебрегайте своими обязанностями по охране ворот города» (AbB 7 47 от 18 июля 1631 г. до н.э.).

Судя по этим письмам, на протяжении всей второй половины 1631 г. до н.э. северные районы вавилонского государства подвергались постоянным набегам врагов. Сообщения об опасности приходили царю из крепостей с северо-западных и с северо-восточных границ. При этом синхронные документы из Сиппара показывают, что эти эпизоды, вероятно, не были длительными и как будто мало отражались на повседневной жизни населения: в то же самое время, когда посылались эти письма, несколько кораблей с товарами спокойно плыли из Сиппара в Вавилон, составлялись договоры о найме работников для уборки урожая.

Тем не менее всего через три года после написания процитированного выше письма, в 1628 г. до н.э. (18-й год Аммицадуки), неизвестными врагами были почти полностью разрушены два важнейших города вавилонского государства — Сиппар (Сиппар-амнанум)¹⁰ и Дильбат, и в том же году, вероятно, вавилоняне оставили свою военную крепость на среднем Евфрате, Харрадум (Korpen 2004: 21). Однако Аммицадука смог противостоять этому вторжению и продолжал править еще три года.

Самсудитана. Преемником царя Аммицадуки и последним царем I вавилонской династии был Самсудитана (1625–1595). Судя по вавилонскому царскому списку В, Самсудитана провел на престоле 31 год. Однако от времени его правления источников дошло совсем мало, практически неизвестны документы, датированные первыми шестью годами его правления, и отсутствуют документы, датированные последними его годами, т.е. позднее 1600 г. до н.э. (Richardson 2005: 285, n. 57). Неизвестны

¹⁰ Это подтверждается археологическими свидетельствами. Раскопки дома, принадлежавшего высокопоставленному горожанину по имени Ур-Уту, показали, что здание было разрушено, а затем сгорело, а его обитатели, вероятно, бежали, оставив большую часть имущества. В архиве Ур-Уту, найденном в одной из комнат этого дома, последние по времени документы были датированы 26 мая 1628 г. до н.э. Изучение ботанических находок подтвердило, что дом был сожжен летом, и даже дало возможность уточнить дату разрушения: 4 июня 1628 г. до н.э. Эту датировку подтверждают и другие документы из Сиппар-амнанум, найденные в конце XIX в. и сейчас хранящиеся в Британском музее. Военный набег, в ходе которого был разрушен дом Ур-Уту, затронул большую часть города. Сиппар-амнанум так и не вернулся позднее к своему статусу и после этого в текстах упоминается очень редко (Korpen 2004: 21, n. 71).

и царские надписи, составленные от его имени¹¹. Еще один важный для исследователя источник информации о том, что происходило в вавилонском государстве в последние 30 лет его существования, — датировочные формулы — не содержит никаких сведений о политических событиях.

Большинство административных и частно-правовых документов того времени содержали указание на дату составления текста. Метод датировок при царях I вавилонской династии продолжал предшествующую традицию и был полностью единообразен на всей территории государства (Козырева 2010). Каждый год получал свое официальное название (датировку/датировочную формулу) по какому-либо важному событию общегосударственного значения, случившемуся в предшествующем году¹². Среди главных общегосударственных событий, которые могли стать темой датировочной формулы, были:

1) деяния царя, касавшиеся внутренней жизни государства (в том числе издание царских указов об «освобождении» от задолженностей, сообщения о проведении каналов, строительстве и реконструкции стен и крепостей),

2) военные походы и победы, одержанные царем, и

3) приношения богатых даров в храмы. В числе таких даров упоминаются драгоценные украшения для храмов (эмблемы, диски, троны из меди, золота и серебра), но чаще всего такими дарами были статуи, изображавшие самого царя.

Приводимая ниже таблица дает некоторое представление о тематике датировочных формул в правление последних четырех царей I вавилонской династии и показывает, как менялся характер и объем информации, отраженной в них.

Имя царя (число лет правления)	Абиэшух (28)	Аммидитана (37)	Аммицадука (21)	Самсудитана (31)
Всего сохранилось полных вариантов датировочных формул	29	38	16	23
Внутригосударственные дела	9	14	5	2
Военные походы	3	4	—	—
Приношение votивных даров (статуй)	17 (9)	20 (13)	11 (6)	21 (14)

Масштабы приношения даров, прежде всего статуй самого царя, практически не меняются, зато заметно сокращается количество общегосударственных проектов, а военные походы в правление двух последних царей вообще не упоминаются в датировках.

¹¹ Если от времени правления Хаммурапи и его сына Самсуилуны сохранилось множество царских надписей, часто очень пространных и двуязычных, т.е. составленных на шумерском и аккадском языках (RIME 4 332–403), то от четырех преемников Самсуилуны сохранилось только несколько небольших и малоинформативных фрагментов такого рода надписей, в основном они дошли до нас в копиях нововавилонского времени (RIME 4 404–438); от последнего правителя династии, Самсудитаны, никаких надписей вообще не дошло.

¹² Большинство клинописных документов этого периода датированы. В конце каждого документа, как административного, так и частно-правового, обычно указывали месяц и день его составления, и далее шло название года, так называемая «датировочная формула». Кроме того, писцы периодически составляли списки датировочных формул предшествующих правлений. Эти списки хранились в архивах, время от времени переписывались и обновлялись и в настоящее время являются одним из важнейших источников по истории Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н.э. (RLA 2).

От времени Самсудитаны дошло довольно много датировочных формул (23 варианта полных и несколько вариантов фрагментов¹³), однако информация, которая содержится в них, как видно из приведенной таблицы, очень скудная. В начале своего правления Самсудитана, следуя традиции своих предшественников, издал указ о «справедливости», т.е. об отмене долгов. Этому событию посвящены датировки первых двух лет.

Больше в датировках нет никаких упоминаний об общественно значимых мирных и военных деяниях царя: о проведении или ремонте каналов, строительстве и реставрации храмов, военных походах против враждебных соседей. Все остальные сохранившиеся датировочные формулы посвящены описанию даров, которые в тот или иной год Самсудитана приносил в главные храмы государства (храмы Вавилона и Сиппара). Что же это за дары? В двух случаях речь идет о: 1) драгоценном оружии для главного бога Вавилона Мардука в храм Эсагила и 2) драгоценных дарах для бога Шамаша, главного бога второго крупного города его царства — Сиппара. Это солнечные диски, изготовленные из агата и украшенные лазуритом, красным золотом и серебром.

Остальные датировки (их более 20) главным событием предшествующего года называют установку статуи самого царя. Судя по датировкам, каждый год в правление Самсудитаны в одном из главных храмов государства в Вавилоне или Сиппаре устанавливали его драгоценную статую. Эти статуи изображали правителя в разных позах: в виде воина; сидящим на драгоценном троне; идущим; идущим в виде вождя впереди своей армии; стоящим; стоящим, держа в руках золотой скипетр, держа в руках жертвенного ягненка, держа в руках ветвь как эмблему справедливости.

Вероятно, не случайно ни одна из датировок Самсудитаны не отражала реальной деятельности царя и его администрации по разрешению насущных экономических и политических проблем. О том, какие важные внутригосударственные события происходили в этот период, почти ничего не известно, но по косвенным свидетельствам можно предположить, что правление последнего царя I вавилонской династии было временем серьезного экономического кризиса и постоянных военных угроз. Сохранившиеся письма царя Самсудитаны по своему содержанию во многом переключаются с письмами его предшественника Аммицадуки, о которых упоминалось выше. Те проблемы, которые стояли перед Аммицадукой, никуда не исчезли, они беспокоили и Самсудитану, но, возможно, еще в большей степени.

Один из царских чиновников сообщил царю, что зерно на полях Сиппар-яхрурум созрело и его надо срочно перевезти в город, поскольку враги могут появиться в любой момент (*ina pani erén lú kúr*). Затруднение состояло в том, что нельзя было открыть главные городские ворота («ворота Шамаша»), через которые доставляли зерно в город, без царского приказа, вероятно, из-за постоянной опасности проникновения в город врагов. В ответ Самсудитана посылает распоряжение: «как только зерно на городских полях (*mereš ālim*) созреет, откройте городские ворота, и пока зерно будут собирать (и переносить в город), судьи пусть сидят (в воротах и наблюдают). Ворота должны хорошо охранять» (AbB 14 8).

Судя по содержанию царского письма, враги все время находятся где-то рядом с Сиппаром. Городские ворота постоянно закрыты и охраняются днем и ночью. Горожане в случае нападения могут отсидеться за городскими стенами. Если зерно успеют перевезти, то и голода, скорее всего, не будет. Однако такая напряженная ситуация не могла продолжаться бесконечно. Письмо было написано, вероятно, до 1606 г. до н.э., когда Сиппар был разрушен и покинут большей частью своих жителей.

О том, что происходило в правление Самсудитаны с четырьмя крупнейшими городами государства — Вавилоном, Сиппаром, Дильбатом, Кишем, можно судить только по косвенным сведениям. Пока город был жив, его жители занимались хозяйственной деятельностью, отдельные этапы которой обязательно фиксировались письменно. Обрыв в какой-то момент этого непрерывного потока документов — один из важнейших маркеров, отмечающих прекращение в городе деловой активности и отсутствие в нем контроля со стороны центральной власти. Обычно это обстоятельство сопутствует следам произведенных в городе разрушений, над которыми располагаются «пустые» слои, свидетельствующие о том, что население покинуло город¹⁴.

Последние по времени документы, датированные правлением Самсудитаны, в Дильбате и Кише были составлены в 1611 г. до н.э. (14-й год Самсудитаны), а в Сиппаре — в 1606 г. до н.э. (19-й год Самсудитаны). После этого города были, вероятно, покинуты большей частью населения. Таким образом, в последние годы своего правления Самсудитана, скорее всего, контролировал только сам город Вавилон и окружающую его территорию. Достаточно было одного удара, чтобы окончательно разрушить дышавшее на ладан вавилонское государство и свергнуть саму династию. В современной историографии считается, что такой удар нанесли по Вавилону хетты. Предполагается, что царь хеттов Мурсилис I, отвоевывая важнейшие торговые пути, захватил и разрушил город Алеппо, а затем двинулся на Вавилон, чтобы полностью перехватить торговлю по Евфрату. Возможно, его союзниками были войска тех самых политических структур на границах Вавилонии, которые постоянно нападали на вавилонское государство. Для окончательного подтверждения или отклонения этой гипотезы в настоящее время достаточных аргументов нет. Выше уже приводились туманные и противоречивые сведения на этот счет месопотамских хроник.

Сохранившиеся от времени Самсудитаны документы полностью обрываются где-то ок. 1598 г. до н.э. (на 26/27 году его правления). Поскольку Самсудитана вступил на престол в 1625 г. до н.э. и, судя по вавилонскому царскому списку В, правил 31 год, то последним годом его правления считается 1595 г. до н.э. Данные археологии дают основания предположить, что примерно в это же время город Вавилон серьезно пострадал в ходе масштабного военного конфликта и большая часть жителей покинула его на несколько десятилетий. Что именно произошло в 1595 г. до н.э. и какова была судьба царя Самсудитаны, остается неизвестным.

Мы не знаем и о том, что происходило с населением вавилонского государства в последние десятилетия правления Самсудитаны. Если какие-то сведения о горожанах можно извлечь, анализируя отдельные царские письма и малочисленные хозяйственные документы того времени из Вавилона и Сиппара, то вопрос о том, какова была участь жителей небольших поселений и крепостей, которыми была усыпана территория провинции, остается без ответа. Как они жили в условиях постоянных военных конфликтов, оставались ли лояльными центральной власти, которая, очевидно, не имела ни сил, ни намерений защищать еще и их, или бежали в поисках безопасности и присоединялись к нападавшим?

¹⁴ В правление далекого предшественника Самсудитаны, его прапрадеда Самсуилуны, южные города были покинуты населением. Самые поздние по дате документы, найденные археологами в том или ином городе, позволили достаточно точно датировать, когда данный город был оставлен большей частью жителей, что подтвердилось и археологическими свидетельствами. Самые поздние тексты в таких городах, как Адаб, Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур, Кисурра, были записаны в 1739–1737 гг. до н.э. Исин и Ниппур на несколько лет пережили этот период, но в 1721–1720 гг. и они, судя по прекращению писцовой деятельности, были заброшены (Козырева 2016: 518).

Вооруженные и опасные уже в силу своей профессии военные гарнизоны, которые должны были противостоять внешнему врагу, были в основном не вавилонскими по происхождению. У них не было тесных родственных связей или общего культа с горожанами. Система вознаграждения за службу, которая должна была прочно связывать их с царской администрацией, в условиях общего экономического кризиса неизбежно ослабевала и разрушалась, и им приходилось, вероятно, самим организовывать жизнь и снабжение себя и своих семей. По-новому оценить ту роль, которую сыграли в политической истории и разрушении государства I вавилонской династии обитатели военных поселений, первоначально формировавшиеся из числа беженцев, переселенцев, депортированных пленных и их потомков, позволил письменный материал, ставший не так давно доступным исследователям (Richardson 2016). В нем содержатся два варианта трактовки событий конца правления Самсудитаны.

В одном случае это литературный текст конца II тыс. до н.э. из Ниппура (пока не опубликованный), условно называемый «Эпос о Самсудитане», в нем описывается унижающее поражение неудачливого царя Самсудитаны от царя Приморья Гулкишара, получившего временный контроль над Вавилоном.

В другом случае упоминания о событиях в Вавилоне и действиях Самсудитаны содержит группа текстов из Ниппура (оракулы-предсказания в копиях новоассирийского времени). С. Ричардсон суммирует их содержание следующим образом: в конфликте участвовали три стороны: восставшие военные наемники, сельское население и царь Самсудитана, который в этом случае выступает в роли несчастной жертвы. Как следует из текстов, против Мардука (Вавилона) и царя Самсудитаны выступили прежде всего не чужие захватчики, но мятежные военные отряды, действовавшие в соглашении с чужеземным войском¹⁵. Хетты в этих текстах не упоминаются.

Если принять такое описание событий, то из этого следует, что в конце правления Самсудитаны в стране вспыхнуло восстание военных поселенцев и наемников, к которым примкнула и часть сельского населения, и которое поддержала, вероятно, городская элита Вавилона, несмотря на возражения основной массы горожан. Страна оказалась в состоянии хаоса, чем воспользовались и воинственные соседи. Город Вавилон был захвачен и частично разрушен. Население, оставшееся в живых, бежало. Отдельные детали, упоминающиеся в текстах, по мнению С. Ричардсона, позволяют говорить об определенной историчности этого описания.

¹⁵ В тексте, как считает С. Ричардсон, фактически описываются солдатское восстание и гражданская война (Richardson 2016: 116ff.). Территория конфликта явно та же, что описана в царских письмах о беспорядках в провинции. Страна разделена на провинцию, заполненную врагами и опасностью, и города, которые находятся в осаде. Города и крепости вавилонского государства изображены как маленькие островки безопасности, кое-где раскиданные по океану врагов. Движение вне городов ограничено, животные и собственность подвергаются риску, враги нападают и грабят, ворота и мосты, которые ведут в город, должны тщательно охраняться, а часовые — дежурить днем и ночью. В текстах как будто нет обвинений, направленных против какой-то определенной группы. Враги — обыкновенные люди, такие же, как и все, но они распространяют лживые речи, действуют хитростью и уловками, крадут животных, день и ночь устраивают засады, прячутся в развалинах, переманивают на свою сторону чиновников и подтачивают лояльность населения. Удивительно, как изображено «Падение Вавилона». Судя по этим текстам, горожане, жители Вавилона, не поддерживали изгнание царя, предупреждая чиновников: «...не говорите с врагами, не открывайте заслоны Главных ворот, не изгоняйте гарнизон бога Мардука и царя Самсудитаны, сына Аммицадуки, царя Вавилона, не разрешайте врагу войти в город...». Однако катастрофа все-таки произошла, т.е. чиновники, не прислушиваясь к предостережениям горожан, вероятно, продолжали общаться и сотрудничать с неназванными врагами. Подробности, приведенные в тексте, позволяют предположить явную историческую подлинность некоторых эпизодов.

Сравнительно недавно появились письменные подтверждения тому, что город Вавилон был в это время действительно заброшен и затем, вероятно через несколько десятилетий, вновь заселен. В ходе раскопок в местности Телль Мухаммад, в пригороде Багдада, были найдены остатки небольшого поселения, существовавшего в середине II тыс. до н.э. на восточных окраинах вавилонского государства в долине реки Диялы неподалеку от слияния ее с Тигром (Gentili 2011). Помимо строений и керамики в одном из домов археологи обнаружили около 30 клинописных документов, составлявших, вероятно, архив одной из живших здесь семей. Документы датированы, как это было принято в ту эпоху, и характер этих датировок представляет большой интерес. В самых ранних документах датировочные формулы фиксируют события местного значения, т.е. в это время поселение находилось, по-видимому, под властью какого-то местного правителя. Позднее писцы перешли к новой системе датировок, в которой отмечали номера годов со времени «заселения Вавилона» (например: год 36-й [после того, как] Вавилон был [вновь] заселен: *mu 36.kam.ma ša KÁ.DINGIR.RA.ki uš-bi*). Появление новой системы датировок, связанной с Вавилоном, позволяет предположить, что с этого времени регион нижней Диялы, где располагалось поселение, вновь оказался под контролем Вавилона, где правила уже новая касситская династия.

Возможно, после падения I вавилонской династии, когда большие города, в том числе и сам Вавилон, были разрушены и заброшены, в отдельных крепостях или военных поселениях, которые оставались достаточно приспособленными для жизни их обитателей, к власти пришли лидеры прежде наемных военных отрядов (главы военных гарнизонов?). Так могло произойти в поселении Телль Мухаммад, располагавшемся на северо-восточной окраине вавилонского государства. Однако через одно-два поколения Вавилон был вновь заселен и по-прежнему оставался столицей территории. Новые правители Вавилона, возможно также из числа лидеров наемных военных отрядов, начали расширять сократившиеся территории вавилонского государства, сначала подчинив себе северо-восточные территории, в том числе регион Диялы, а затем двинувшись на юг. В начале XV в. до н.э. ими было завоевано Приморье, и их власть признали в Дильмуне. Южная Месопотамия вновь была объединена. Началась новая эпоха в истории месопотамской цивилизации — касситское царство Кардуниаш — и «moving around Babylon» продолжилось.

Сокращения

ZX — законы Хаммурапи

AbB — *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung*. Leiden, 1964ff.

CAD — *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*

RLA — *Reallexicon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; Leipzig; New York

Литература

Козырева 2010 — *Козырева Н.В.* Практика датирования документов в Южной Месопотамии старовавилонского периода (2000–1600 гг. до н.э.) // *Вестник СПбГУ*. 2010. 4(13). С. 50–60.

Козырева 2016 — *Козырева Н.В.* Очерки истории Южной Месопотамии периода ранней древности. СПб.: Контраст, 2016.

BP 2007 — *Babylonian Period // The Babylonian World*. New York; London: Routledge, G. Leick (ed.), 2007. P. 210–223.

- Charpin 1988 — *Charpin D.* Sippar: deux villes jumelles // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. Berlin, 1988. Vol. 82. P. 13–32.
- Charpin D. 1992. Immigrés, réfugiés et déportés en Babylonie sous Hammu-rabi et ses successeurs // *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 July 1991). D. Charpin and F. Joannès (eds). Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1992. P. 207–218.
- Fales 2011 — *Fales F.M.* Moving around Babylon: On the Aramean and Chaldean Presence in Southern Mesopotamia // Cancik-Kirschbaum E., Ess M. van, Marzahn J. (eds). *Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident*. Berlin: de Gruyter 2011. P. 91–112.
- Gentili 2011 — *Gentili P.* Wandering through Time: The Chronology of Tell Mohammed // *Studi Classici e Orientali*. Pisa: Pisa University Press, 2011. Vol. 57. P. 39–55.
- Glassner 2004 — *Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Writings from the Ancient World. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004.
- Graef 2002 — *Graef Katrien De.* An Account of the Redistribution of Land to Soldiers in Late Old Babylonian Sippar-Amnānum // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Leiden: Brill, 2002. Vol. 45. No. 2. P. 141–178.
- Klein 2014 — *Klein J.* From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine. Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas // *Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies 2*. Department of Ancient History. Budapest: The University of Pécs, l'Harmattan, 2014. P. 167–180.
- Koppen 2004 — *Koppen Van F.* The Geography of the Slave Trade and Northern Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period // *Hunger H., Pruzsinszky R.* (eds.). *Mesopotamian Dark Age Revisited*. Vienna: Eisenbrauns. 2004. P. 9–33.
- Koppen 2007 — *Koppen Van F.* Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period // *Leick G.* (ed.). *The Babylonian World*. New York; London: Routledge, 2007. P. 210–223.
- Koppen 2010 — *Koppen Van F.* The Old to Middle Babylonian Transition History and Chronology of the Mesopotamian Dark Age // *Egypt and the Levant*. *International Journal for Egyptian Archaeology and Related Disciplines*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. Vol. 20. P. 453–463.
- Richardson 2005 — *Richardson S.* Trouble in the Countryside *ana tarši Samsuditana*: Militarism, Kassites and the Fall of Babylon I // *Ethnicity in Ancient Mesopotamia*. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002. Ed. W.H. Soldt. Leiden: The Netherlands Institute for the Near East, 2005. P. 274–288.
- Richardson 2016 — *Richardson S.* The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting // *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London; New York: Bloomsbury, 2016. P. 101–142.

References

- Charpin D. “Sippar: deux villes jumelles”. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*, vol. 82. Berlin, 1988, pp. 13–32 (in French).
- Charpin D. “Immigrés, réfugiés et déportés en Babylonie sous Hammu-rabi et ses successeurs”. In: *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 July 1991). D. Charpin and F. Joannès (eds). Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1992, pp. 207–218 (in French).
- Fales F.M. “Moving around Babylon: On the Aramean and Chaldean Presence in Southern Mesopotamia”. In: *Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident*. E. Cancik-Kirschbaum, M. van Ess, & J. Marzahn (eds). Berlin: de Gruyter 2011, pp. 91–112 (in English).
- Gentili P. “Wandering through Time: The Chronology of Tell Mohammed”. *Studi Classici e Orientali*, vol. 57, Pisa: Pisa University Press, 2011, pp. 39–55 (in English).
- Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Writings from the Ancient World. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004 (in English).

- Graef Katrien De. "An Account of the Redistribution of Land to Soldiers in Late Old Babylonian Sippar-Amnānum". *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 45, no. 2. Leiden: Brill, 2002, pp. 141–178 (in English).
- Klein J. "From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine. Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas". *Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies 2*. Department of Ancient History. Budapest: The University of Pécs, l'Harmattan, 2014, pp. 167–180 (in English).
- Koppen Van F. "The Geography of the Slave Trade and Northern Mesopotamia in the Late Old Babylonian Period". In: *Mesopotamian Dark Age Revisited*. H. Hunger and R. Pruzsinszky (eds). Vienna: Eisenbrauns, 2004, pp. 9–33 (in English).
- Koppen Van F. "Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period". In: G. Leick (ed.). *The Babylonian World*. New York–London: Routledge, 2007, pp. 210–223 (in English).
- Koppen Van F. "The Old to Middle Babylonian Transition History and Chronology of the Mesopotamian Dark Age. Egypt and the Levant". *International Journal for Egyptian Archaeology and Related Disciplines*, vol. 20. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010, pp. 453–463 (in English).
- Kozyreva N.V. "Documents Dating in Southern Mesopotamia in the First Half of the Second Millennium BC". *Vestnik SPbGU*, 4(13), 2010, pp. 50–60 (in Russian).
- Kozyreva N.V. *Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the Middle of the 2nd Millennium BC)*. St. Petersburg: Contrast, 2016 (in Russian).
- Richardson S. "The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting". In: *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London–New York: Bloomsbury, 2016, pp. 101–142 (in English).
- Richardson S. "Trouble in the Countryside *ana tarši Samsuditana*: Militarism, Kassites and the Fall of Babylon I". In: *Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale*, Leiden, 1–4 July 2002. Ed. W.H. Soldt. Leiden: The Netherlands Institute for the Near East, 2005, pp. 274–288 (in English).

South Mesopotamia under the Last Kings of Hammurapi Dynasty: "Moving Around Babylon"

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 28–43)
Received 27.01.2017.

Nelly V. Kozyreva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The later history of the 1st Babylonian Dynasty (about 1711–1595 BC) remains yet one of the poorly studied periods of the Ancient Mesopotamian history. There is no clear answer to the question of what caused the collapse of the Old Babylonian state, once established by the famous Hammurapi, and the overthrow of his dynasty, and who was the actual enemy that destroyed the city of Babylon in 1595 BC. Recent publications of cuneiform records and archaeological data shed some light on the problems and allow us to re-evaluate the role of climate and environmental changes and migration movements in political and demographic processes in South Mesopotamia in the middle of the 2nd millennium BC.

Key words: the 1st Babylonian Dynasty, climate and environmental changes, de-urbanization, migration movements, mercenary army.

About the author:

Nelly V. Kozyreva, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS (orinst@mail.ru).